

Т. И. ОЙЗЕРМАН

Категорический императив и абсолютность запрета на ложь в этике Канта

При обсуждении статьи Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия» необходимо помнить об общем философском контексте развернутого в ней кантовского рассуждения. Ведь Кант совершил радикальный переворот в понимании философской проблематики. Он был первым философом, который включил такие «второстепенные» философские учения, как теория познания, философия истории, этика или эстетика, в состав метафизики. Метафизика, согласно Канту, стала всем содержанием философии. При этом из всего этого содержания он выделил *этику* как главную метафизическую дисциплину. Нравственности (практическому разуму по кантовской терминологии) принадлежит *примат* над теоретическим разумом, теорией познания и натурфилософией.

Этот переворот нельзя объяснить только особенностями личности философа. Несравненно существенней то обстоятельство, что он творил в эпоху первоначального накопления капитала; нарождавшийся капитализм беспощадно разрушал не только патриархально-общинные отношения, но и неотделимую от них систему нравственных норм. Кант решительно выступал против все более усиливающейся *релятивизации* нравственных норм¹. В противовес этическому субъективизму Кант абсолютизирует, универсализирует нравственные нормы, определяя всю их совокупность как *категорический императив*, безусловное повеление чистого, т.е. независимого от чувственных побуждений разума.

¹ См. Соловьев Э. Ю. Категорический императив и политико-юридическое мышление эпохи ранних буржуазных революций // Этика Канта и современность / Сост. П. Лайзанс. Рига: Авотс, 1989. С. 127.

Такая теоретическая позиция чревата односторонностью; она игнорирует историческое развитие нравственности, ее зависимость от условий жизни людей. Но в этой односторонности не только слабость, но и громадное историческое значение морального учения Канта, которое вскрывает непреходящее в многообразном развитии морального сознания.

Принципы нравственности, по Канту, априорны, имманентны человеческому сознанию, хотя и не являются врожденными. Отсюда следует вывод: нравственность самодостаточна и, следовательно, независима от религии. Этика, с точки зрения Канта, — сфера внутреннего человеческого законодательства. Это значит, что от природы свободный человек (имеется, конечно, в виду чистый практический разум) сам для себя устанавливает нравственный закон. Однако кантовское понимание отношения между нравственностью и религией оказывается на деле более сложным и противоречивым, чем тезис: нравственность независима от религии. Подлинно нравственный человек необходимо приходит к вере в Бога. Это положение, конечно, несовместимо с тезисом о независимости нравственности от религии. Но таких несовместимостей в философии Канта (как и во всяком выдающемся философском учении) немало. Я отнюдь не считаю это недостатком, напротив, непосредственная рассогласованность есть вместе с тем *проблематизация* реального вопроса, постоянно встающего перед человеком, обществом, человечеством.

Важнейшее содержание категорического императива — понятие долга. Это априорное понятие чистого практического разума. Оно решительно противопоставляется этике эвдемонизма. Категорический императив *конкретизирует* понятие долга, т.е. указывает, как *должно* поступать, чтобы неуклонно следовать велениям совести. Показательно, что Кант не ограничивается одной его формулой, которая неизбежно вела бы к одностороннему его пониманию. Первая его формула такова: «категорический императив, который вообще выражает то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона»². Вторая, не менее значительная по своему содержанию формула этого императива гласит: «*поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как цели и никогда не относился бы к нему только как средству*»³. Стоит подчеркнуть, что Кант именно эту формулу категорического императива выделил *курсивом*, придав ей тем самым особенное значение. Человек как разумное существо есть цель сама по себе, следовательно, никто не должен относиться к нему как средству для достижения какой-то своей цели. Если первая формула

² Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4 (2). М.: Мысль, 1965. С. 133.

³ Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4 (1). М.: Мысль, 1965. С. 270.

категорического императива носит в значительной степени формалистический характер, то вторая характеризует *содержание* и нравственную направленность поступков. Из нее вытекает отрицание сословных привилегий (и сословий вообще), отрицание господства человека над человеком, отрицание власти, если она не признана (прямо или опосредованно) свободной волей свободного человека.

Третья формула категорического императива провозглашает свободную волю человека в качестве устанавливающей всеобщие законы: «Таким образом, *принцип* воли каждого человека как *воли всеми своими максимами устанавливающей всеобщие законы*, если он вообще правильный, *вполне подходил бы* для категорического императива благодаря тому, что как раз из-за идеи всеобщего законодательства он не основывается ни на каком интересе и, следовательно, среди всех возможных императивов один только может быть *безусловным...*»⁴. Эта формула определяет нравственное поведение человека как *гражданина*, действительного члена *правового* государства, который свободно подчиняется принятым в обществе законам, поскольку он соучаствовал в их принятии или по крайней мере одобряет их. Это согласие как акт трансцендентальной воли (ибо только она свободна) есть, следовательно, не просто психологически (эмпирически) объяснимое действие, а действие *социальное*. Этим самым расшифровывается понятие трансцендентальности в том смысле, в каком оно относится к гражданину, сознающей себя именно в этом смысле. Суть дела в том, что человеческий индивидуум — социальное, социализированное существо, неотделимое от социума в рамках которого сложилось его индивидуально-социальное сознание.

Категорический императив есть, согласно учению Канта, аутентичное выражение априорной, независимой от побуждений чувственности, свободы воли, понимаемой в частности как свобода выбора, т.е. произвольные действия, которые не следует смешивать с тем, что обычно именуют *произволом*. Эмпирическая воля, мотивы которой неизбежно носят чувственный характер, не может быть свободной, она находится во власти чувственных побуждений. Свободна лишь трансцендентальная воля, т.е. «вещь в себе» (или ноумен). Эту свободу воли Кант определяет как способность выбирать то, что разум признает добрым. Свободная воля — добрая воля. Отсюда однозначный вывод: «...свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам — это одно и то же»⁵. Иными словами, практическая (нравственная) свобода есть независимость воли от всякого закона, кроме нравственного, т.е. категорического императива. Но тут возникает вопрос, который почему-то не обсуждается Кантом. Неморальные поступки, в том чис-

⁴ Там же. С. 274.

⁵ *Кант И.* Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 101.

ле и тягчайшие преступления, совершаются ведь не эмпирической волей, которая не свободна, согласно учению Канта. Эти, противоречащие нравственности деяния, поскольку они совершаются индивидуумом, суть проявления трансцендентальной (свободной) воли. Некоторые указания на это обстоятельство имеются в кантовском понимании *субъективности* радикального зла, присущего человеческой природе. Но Кант нигде не говорит о том, что свободная воля далеко не всегда подчинена нравственному закону. Тем не менее он все же не может не признать, что «...моральное зло должно возникнуть из свободы... склонность к злу может укорениться в моральной способности произвола»⁶.

В отличие от Гегеля, у Канта нет противопоставления свободы произволу, в котором он видит необходимую форму проявления свободы воли. Он, правда, различает произвол, подверженный воздействию чувственных побуждений, но и это обстоятельство не делает произвол несвободой. Такого рода произвол является, по Канту, не чистой свободой. От него Кант отличает чистый произвол.

Таким образом, нельзя не признать, что мы здесь имеем внутренне присущую каждой великой философской системе *амбивалентность*, противоречивость, рассогласованность основных положений. И это не должно быть рассматриваемо просто как порок, логическая непоследовательность и т.д. Ведь, в сущности, дело не сводится к амбивалентности учения Канта. Речь должна идти об амбивалентности познания и нравственности.

Критики этического учения Канта обычно обвиняют его в *ригоризме*, истолковывая последний как чрезмерно жесткую, безапелляционно категорическую трактовку моральных норм. Для такого обвинения имеются, несомненно, достаточные основания, как видно из предшествующего изложения. Да и статья Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия» безусловно подтверждает оправданность этого обвинения. Но Кант, будучи в данном случае вполне последовательным, безоговорочно соглашается с тем, что он действительно стоит на позициях этического ригоризма. Более того, он утверждает, что отказ от ригоризма в этике ставит под вопрос безусловную обязательность нравственных норм. Хотя опыт, указывает Кант, предпочитает среднее место между двумя крайностями, «для учения о нравственности вообще очень важно не допускать, насколько возможно, никакой моральной середины ни в поступках (*adiaphora*), ни в человеческих характерах, так как при такой двойственности всем максимумам грозит опасность утратить определенность и устойчивость»⁷. С этим аргументом, на мой взгляд, следует согласиться. Этические принципы должны быть формулируемы без всяких оговорок, но при их применении при-

⁶ Кант И. Основы метафизики нравственности // Указ. изд. С. 210.

⁷ Кант И. Религия в пределах только разума // Указ. изд. С. 92.

ходится *volens-nolens* учитывать обстоятельства, чего не хотел признавать Кант и поэтому ошибался. А между тем в приведенном выше высказывании Канта как раз и указывается на необходимость учитывать обстоятельства. Ведь именно Кант говорит «не допускать, насколько возможно» отступления от неукоснительного исполнения моральных требований. Значит, он фактически допускает, что то или иное моральное требование окажется не вполне исполнимым. Иначе интерпретировать эту оговорку, на мой взгляд, невозможно.

Итак, этический принцип, формулируемый как абстрактное суждение, следует *конкретизировать* в повседневном применении. Пословица утверждает: нет правил без исключения. Это вполне может быть отнесено и к нравственной сфере, если исключение обосновано. Оно может быть обосновано моральными аргументами.

Кантовский категорический императив обычно подвергают критике за присущий ему этический формализм. В этом следует разобраться. На мой взгляд, любой принцип не только в этике, но и в каждой области знания, если он формулируется как аподиктически всеобщий, неизбежно заключает в себе определенный формализм. Это относится и к формулировкам законов природы, поскольку эти формулировки предлагают нечто «идеальное». Однако кантовскому категорическому императиву присущ не только *необходимый* формализм, но и его ограничение, а в некоторых отношениях даже его отрицание. Я имею в виду вторую и третью формулировку этого нравственного закона. Человек не должен рассматриваться как *средство*; он должен быть целью как для себя, так и для других. Человек должен подчиняться лишь тем юридическим установлениям, которые принимаются с его непосредственно или опосредованно выраженного согласия. Конечно, и эти формулы абстрактны и, следовательно, в известном смысле не свободны от формализма, но они *содержательны* и это их качество означает отрицание формализма.

Вопрос о содержательности категорического императива не относится, разумеется, к тем поступкам, цель которых не следование долгу, а достижение какой-либо иной цели. Такие поступки характеризуются Кантом как соответствующие не категорическому, а условному (гипотетическому или ассерторическому) императиву. Так, например, некий купец никогда не обманывает своих клиентов, рассчитывая (и не без оснований), что такое поведение принесет ему наибольшую выгоду. Следование нравственным нормам носит в данном случае *легальный* характер и к нравственности, собственно говоря, не имеет прямого отношения. Категорический императив в отличие от условного имеет лишь одно основание: сознание долга. Это значит, что нравственное поведение определяется не столько поступками, сколько лежащими в их основании *мотивами* или, выражаясь языком Канта, *максимой*. В этом смысле категорический императив формулируется Кантом *безотносительно* к возможному, определенному содержанию поступка.

Категорический императив становится наиболее понятным и приемлемым, если его трактовать как моральный запрет на определенные действия, поступки. В этом контексте и необходимо рассматривать кантовское обсуждение моральной нормы «не лги». Эта норма всегда считалась первостепенным условием нравственности. Ложь несовместима с доброй волей, которая, собственно, и есть моральное самосознание. Лжец, конечно, не может быть признан нравственным человеком. Кант с присущим ему идейным бесстрашием, особенно поразительным в духовной атмосфере тогдашней Пруссии, приводит примеры, когда вопреки обыденному, отнюдь не безнравственному человеческому сознанию, предстоит сделать выбор между правдой и ложью. Таков и пример ситуации, предлагаемой Кантом в обсуждаемой статье: у человека, укрывшего в своем доме друга, злоумышленники, преследующие друга с очевидно недобрыми намерениями, спрашивают, не в его ли доме скрывается друг. Вправе ли с моральной точки зрения сказать: нет, этот человек не скрывается в моем доме? Кант *отрицательно* отвечает на этот вопрос, ибо *всегда* должно говорить *лишь* правду.

Можно ли принять настояние Канта на исключительно правдивом ответе на вопрос злоумышленников? Полагаю, что в этой статье Канта как раз обнаруживается слабая сторона его ригористического понимания требований нравственного закона. Сознывая универсальную значимость категорического императива, реальный человек в реальных условиях жизни людей *обязан* принимать во внимание все очевидные для него обстоятельства. Если, например, во время войны солдат оказался в плену, должен ли он рассказывать врагу о том, как расположена его часть, много ли в ней бойцов, какие другие части расположены слева и справа. Само собой разумеется, что солдат *морально* обязан *лгать*, дезинформировать противника. В ином случае он — предатель, существо, несомненно, безнравственное.

Категорический императив Канта также требует: «не убий!» Это требование не вызывает каких-либо возражений в обычной жизни людей. Убийство человека не просто безнравственно, это — уголовное преступление, подлежащее строжайшему наказанию. Однако все еще не перевелись войны. Нет необходимости доказывать, что нравственная заповедь «не убий» совершенно бессмысленна на поле боя. Не должно убивать военнопленных; это безнравственно. Безнравственно грабить захваченные территории врага. Безнравственно подвергать какому-либо насилию мирное население. Но враг, если он не капитулирует, должен быть уничтожен.

Следует со всей откровенностью сказать, что и в повседневной жизни требование «не лги» предполагает разумный учет обстоятельств. Должен ли, например, врач на вопрос умирающего больного, который, как это обычно бывает, все еще надеется выжить, выложить этому больному правду? Думается мне, что врач в данном случае не дол-

жен говорить больному правды. Да и просто в нормальной, скажем, даже счастливой супружеской жизни едва ли следует всегда отвечать на вопросы правдой. Мне кажется, что если бы люди всегда и везде говорили друг другу правду, только правду, жизнь стала бы невыносимой. И тем не менее требование «не лги!» сохраняет свое значение во всех случаях, когда к нарушению этого, пожалуй, самого человеческого требования не вынуждают весьма и весьма серьезные обстоятельства. И Кант, несмотря на категорический императив, признает необходимость такой оговорки.